

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ В ФИЛОСОФИИ

Для социальной философии актуальной является проблема взаимодействия философии с национальной традицией. Выделение наций как субъектов культурного творчества приводит к формированию социально-психологических и личностных основ для развития новой философской культуры.

Ключевые слова: национальная традиция, межэтническая культурно-правовая общность, национальный образ мира, национальный дух, религиозная духовность.

Национальная самостоятельность как исторический принцип – это особенность нашего времени. Национальная философская традиция – это типологическое понятие, конструируемое из наиболее существенных исходных установок национального мировоззрения и способов их передачи в эволюции философской мысли. Руководствуясь многоаспектным подходом к истории философии, обрисованным К. Ясперсом в его «Всемирной истории философии», можно разделить исходные установки национального мировоззрения на три вида: формы мысли, символы и образы мира, в наибольшей степени воплотившие национальный дух.

Формы мысли фиксируют когнитивно-рациональный уровень структуры национального самосознания, включающего в себя национальную идентификацию, представления о типичных чертах своей общности, представления об историческом прошлом народа и территориальной общности. «У каждого народа, культурной целостности, есть свой склад мышления, который и предопределяет картину мира, что здесь строится, и сообразуясь с которой и развивается история, и ведет себя человек, и слагает мысли в ряд, который для него доказателен, а для другого народа нет» [1, с. 20-21]. Мысль как отражение действительности, конечно, не обладает национальной принадлежностью, но как содержание языкового выражения принимает национальную форму. Как подчеркивал С.Н. Булгаков, «логика, гносеология, философия для своих целей, – и не только для изложения своих мыслей, но что гораздо важнее, и при рождении, уже опираются на язык, пользуются грамматикой, видят через ее стекла... Грамматика есть конкретная гносеология и конкретная логика» [2, с. 89-90]. Язык выражает особен-

ности национального развития, характер и интенсивность связей с соседями, степень единства межэтнической общности. Языковая картина мира выступает источником знаний о национальном характере и менталитете [3, с. 78].

С нашей точки зрения, выявить традицию народа означает определить жизненные базовые отношения, систему идей и верований, выразить тип видения космоса, осмыслить его разнообразные ориентиры в области историко-социального действия. Национальная традиция включает в себя привязанность к родной земле, природе, языку, народному искусству, кухне, видам спорта, отдыха, досуга, гордость за героические события исторического прошлого.

Таким образом, понятие «национальная традиция», обозначающее систему взаимосвязанных традиций, охватывает сущность, которая отличает и характеризует каждый народ как некоторую межпоколенную общность и включает в себя осознание ее миссии в культуре. В европейском смысле понятие «народ» рассматривается как «тысячелетиями складывающаяся во взаимодействии с природной средой психофизическая индивидуальность с собственным строем языка и претворенным в формах своей жизни мироотношением» [4, с. 43]. Биографией народа выступает его история, в ходе которой и складывается непрерывное и своеобразное народное единство. Раскрыть это существенное единство – задача философии истории определенного народа.

Хотя традиция зарождается в историческом процессе и ее осуществление есть исторический факт, история и традиция не совпадают как понятия. Существует различие между традицией как фактом и традицией как ценностью. В первом смысле традиция характеризует по-

рядок того, что есть. Во втором смысле традиция относится к порядку того, что должно быть.

По нашему мнению, традиция связана с настоящим, она передается в настоящем и, исходя из настоящего, определяет то, что нужно делать. В этом смысле любая система традиций строится на современном фундаменте, хотя и опирается на постоянно возобновляемое прошлое. Именно настоящее задает обращение к прошлому, исходя из аксиологического значения непрерывности и культурного единства как характерных черт традиции.

Следует учитывать, что «национальная традиция» – величина не постоянная, а социально-историческая, способная к изменениям. Субъектом-носителем национальной традиции выступает межэтническая культурно-правовая общность, которая ориентирована на жизненно важные для сохранения данной общности устойчивые свойства среды обитания и функционирования. Передача и аккумуляция опыта группового поведения в рамках национальной традиции осуществляется в повседневном взаимодействии представителей данной общности через живые образцы деятельности и через научение на основе освоения литературы, искусства, философии, системы нравственных и правовых ценностей, идеалов, фольклора, способов организации досуга, быта.

По нашему мнению, именно национальная традиция позволяет сочетать и учитывать интересы личности и социума в процессе развития социального опыта. Существует тесная связь между индивидом и национальным самосознанием внутри конкретной традиции. «Национальное не просто проявляется в индивидуальном, не просто выражается в нем, оно как бы живет в этом индивидуальном... Нация выступает как органическая индивидуально-социальная общность» [5, с. 172]. Укажем и на такую важнейшую функцию национальной общности, как помощь индивиду в поисках ответа на вопрос о предназначении человека, в смыслоценностном утверждении человека.

С нашей точки зрения, вопрос о сохранении или отрицании традиций в русской философии занимал заметное место. В споре традиционалистов и нигилистов последние часто брали верх, прикрываясь ими же самими созданным мифом об особой подлинно русской беспочвенной ментальности: начать все с «чистого

листа», заново. Этот миф начинает формироваться П.Я. Чаадаевым, который фанатично отрицал наличие и преемственность русской культурной национальной традиции. Вот одно из множества солидарных высказываний на данную тему: «...в этой способности внезапно отрывать от почвы, от быта, истории, сжигать все свои корабли, ломать все свое прошлое во имя неизвестного будущего, – в этой произвольной беспочвенности и заключается одна из глубочайших особенностей русского духа» [6, с. 36].

Но было немало и тех, кто видел живую силу традиций, а попрание национальных традиций характеризовал как «белый террор». А.С. Пушкин характеризовал первого русского нигилиста Петра I как всадника, который не только оставил Россию без почвы, но и «вздернул на дыбы» над «бездной». Петр I хотел ускорить развитие России, возвысить русский народ, но, как заметил Н.М. Карамзин, – «уничтожая старинные обычаи, высмеивал их, русский суверен затронул русские сердца. А способен ли униженный человек на великие дела?» [7, с. 238].

Отметим, что стабилизации культуры и духовного склада нации можно считать специфическое значение творчества и самой фигуры А.С. Пушкина для всей русской культуры и жизни общества XIX-XX вв. Как бы ни менялись культурные и общественные предпочтения, какие бы новшества ни входили в российскую культуру и российскую действительность, но постоянное возвращение к Пушкину как к идеальному олицетворению русского национального характера обеспечивало преемственность российской культуры и российского менталитета на протяжении последних полутора столетий.

С нашей точки зрения, наиболее очевидные формы проявления национальной традиции – это фольклор, бытовые обычаи, языковые картины мира, право, литература, архитектура. Менее очевидные формы и даже совсем неочевидные – философия и наука. С точки зрения известного историка философии З.А. Каменского, часто под видом национальной философской традиции предметом исследования «становится не только философия, но и теология, а зачастую некая особая, достойная самостоятельного изучения синкретическая форма духовности, включающая в себя философские, теологические, эстетические и прочие ингредиенты» [8, с. 154]. Для того чтобы доказать, что она яв-

ляется действительно философской традицией, необходимо показать, что ее проблемы редуцируются на предмет философии.

По вопросу о способах проявления национальной традиции в философии и науке существуют две противостоящие друг другу точки зрения. Ряд авторов категорически отвергает возможность применения национальных характеристик к философии и науке. Другие, опираясь на работы известного культуролога и философа Г.Д. Гачева, выдвигают тезис о национальном образе мира как доминанте новой эпистемологии [9, с. 46]. Вера в самоидентичность и самоочевидность национальной целостности определяет все изыскания Г. Гачева, в многочисленных исследованиях которого утверждается мысль о наличии некоторой устойчивой структуры мира и мышления, присущей каждому народу, – «национального образа», или модели мира, сказывающейся даже в математических построениях [9, с. 67]. Но до сих пор это утверждение является спорным и остро дискуссионным при всей популярности цивилизационных «некумулятивистских моделей» научного знания вообще и историко-философского знания в частности.

Тезис о конкретном, национальном характере всякого культурного творчества, создающего духовные ценности, отстаивал в своих «Размышлениях о национальности» С.Н. Булгаков. Применительно к философии этот тезис означает необходимость различения научной и ценностной парадигм философского знания. Такие разделы и проблемы философии, как логика, методология, частные проблемы теории познания (за исключением центрального вопроса о природе знания и истины), являются выражением научной составляющей философского знания. И в этой области «имеют значение только различия культурного возраста, и более молодые нации, естественно, становятся в отношении ученичества к старшим. В этом смысле следует, конечно, признать, что молодой русской философии приходится учиться у более зрелой западной и вообще следует прибегать к движению мировой философской мысли» [10, с. 454-455]. Но философия как стремление к построению целостного мировоззрения имеет в своей основе своеобразное мироощущение, что проявляется в качественно определенном индивидуальном национальном характере ее творчества. «Это скажется и в преобладании

излюбленных проблем, и особых способов к ним подхождения, в особом направлении философского интереса... Философия есть идеология метафизического бытия, которым и определяется философское сознание. Конечно, все значительные произведения национальной философской мысли неизбежно становятся общечеловеческим достоянием, но это не мешает Платону или Плотину оставаться настоящими греками, а Канту типичным немцем так же, как Джемсу – с ног и до головы американцем. При таком понимании задач философии и ее природы вполне уместно говорить и о русской философии, хотя бы она была еще и очень молода по сравнению с европейской, и в ее первых шагах и ранних зачатках любовно отыскивать и внутренне опознавать ее национальные черты» [10, с. 453-454]. Конкретность философской истины делает необходимой возможность ее познания в разных аспектах.

Теперь обратимся к религиозной духовности в русской традиции. Само отношение к жизни в русской традиции символично: «Жить – богу служить», «Не нам, не нам, но имени твоему»; «Друг о друге, а бог обо всех» [11, с. 97] и так далее.

С нашей точки зрения, перед русским человеком всегда стояла онтологически важная, актуальная задача заручиться поддержкой высших сил в ратном или трудовом делании, в служении или творчестве. И эту нацеленность, направленность, обращенность к духовному русский человек иллюстрировал обычаями и ритуалами: «Божье забудешь, и своего не получишь»; «Дело не спорится – углам помолиться»; «Хлеб-соль величай» (молись после еды); «С бога начинай, господом кончай!»; «С молитвой в устах, с работой в руках» [11, с. 123-178] и другие.

Роль религиозной духовности напрямую была обусловлена представлениями русского человека о роли Бога в его «трудах праведных». Поэтому так свято верил русский человек в то, что «Бог виноватого найдет»; «Бога не обманешь, хоть и пораньше нашего встанешь»; «Божьей воли не переможешь»; «Все от Бога».

В собственной деятельности русский человек руководствовался соображениями далеко не максимизации прибыли или наживы. Доминантой его поведения как социального существа была в одном случае, когда мы рассматриваем религиозную духовность, осмысленная необхо-

димность предстояния перед Богом, ответственность перед ним.

Обратимся опять к русскому фольклору. Мотив расчета, выгоды в поведении русских людей всегда имел место. В ментальности русского человека идея богатства обретала специфические основания достатка, причем достатка трудового, а не ворованного: «Кто ленив с сохой, тому весь год плохой». Эта самобытность русского экономического сознания и хозяйственного поведения, безусловно, обусловлена доминантой духовности и совершенно обоснованно связывается некоторыми авторами с софийностью, соборностью русских людей [12, с. 356].

Тогда как в западных этносах духовность как бы растворена, в русском миропонимании и мироощущении она выступает стержнем человеческого бытия, в связи с чем и говорится: «здесь русский дух, здесь Русью пахнет!».

Сознание русского человека развивалось на Руси как бы косвенно, с оглядкой на религиозную духовность, на учение церкви, то есть на православную традицию. Именно это обстоятельство и является специфически детерминирующим фактором процесса возобладания духовности до уровня доминанты в русской традиции.

Даже обычай русской рыбалки оказался у нас опошленным. А ведь ее «национальные особенности» вовсе не сводятся, как это иллюстрируется в известном российском кинофильме, к беспробудному пьянству. Здесь мы имеем прямое искажение истории, факт исторической недостоверности и недобросовестности. Особенность рыбалки на Руси искони состояла в том, что, поймав рыбу, человек брал лишь самое необходимое, а остальное отпускал на волю (в реку, озеро). До сих пор рыбалка в русских селах и городках на Волге – это не разбой, не погоня за количеством выловленной рыбы, а удовольствие и духовно-душевное наслаждение. Духовно русский человек не мог бить рыбу динамитом, глушить пластидом, морить отравой, вспарывать ей брюхо ради икры. Поэтому закономерен вопрос: тот, кто так ведет себя по отношению к природе, – духовный ли, русский ли? О духовной доминанте здесь говорить уже не приходится.

По нашему мнению, духовность русского человека традиционно проявлялась в одухотворении им живой и неживой природы. Для нас конь или медведь, утес или поле – не отвлеченная анонимность, не фауна и флора, не экономический

ресурс, а нечто большее: «Лошадь – человеку крылья, возит воду и воеводу»; «Сова – кума, воробей – зятек». Трудно представить, чтобы какой-нибудь этнос, например итальянцы или французы, считал, что сова ему кума, а «воробей – зятек» или что для кого-то «лошадь – крылья». Знакомство со сказками, пословицами, мифами, другими образцами народного творчества убеждает нас в том, что только русский этнос традиционно относился к природе как к чему-то духовному.

Можно, как нам представляется, уверенно сделать вывод: фольклор, а также жития святых и многие другие памятники русской национальной культуры свидетельствуют, что вплоть до конца XVIII в. в русском народе значение природы в контексте духовности было огромным и вполне сопоставимым с верой, религией. Именно благодаря этим трем моментам – самобытности, определенности и устойчивости – русское общество и можно с уверенностью охарактеризовать как общество традиционалистское.

Русский народ всегда был богат духом, духовным богатством. Неслучайно, следуя исторической и религиозной традиции, митрополит Иоанн отмечал, что внешняя судьба страны всегда соответствовала внутреннему состоянию духа, а упадок, смута, раскол всегда были сопряжены с упадком духа, его временным угасанием [13, с. 333-334]. Осознание этой жесткой зависимости между состоянием духа и состоянием общества, отечества заставляло русских людей постоянно с особым вниманием относиться к поучениям, предсказаниям, пророчествам о судьбе страны. Но это же обстоятельство и отличает русскую традицию от любой иной. Если западный человек всегда доволен своим нравственным состоянием и желает, чтобы и другие были на него похожи (И.В. Киреевский), то русский человек живо чувствует свои недостатки, свое несовершенство и стремится усовершенствовать себя, стать лучше, жить не по лжи (Л.Н. Толстой). Стремление к совершенствованию, духовному деланию несовместимо с агрессией, с насилием, с идеологией захвата и натиска.

Это в полной мере относится и к традиции соборности, культурная универсальность которой проявилась в формировании особого типа социального партнерства, социального взаимодействия в русском обществе – делового мира.

Сегодня в России нет грантов А. Чубайса или Р. Абрамовича для ученых, именных стипендий Р. Вяхирева или В. Потанина для сту-

дентов, специальных пенсий имени В. Алекперова. А ведь состояния этих «новых русских» – не чета состояниям русских промышленников начала XX века: В. Алекперов – 7,5 млрд. долл.; В. Богданов – 5,75 млрд. долл.; Р. Вяхирев – 5,55 млрд. долл.; В. Потанин – 4,68 млрд. долл.; В. Шеремет – 3,7 млрд. долл.; А. Чубайс – 3,1 млрд. долл.; Л. Меламед – 2,95 млрд. долл.; А. Мордашев – 2,1 млрд. долл.; Р. Абрамович – 1,9 млрд. долл. [14, с.12-13].

Метафизика русской традиции, как ее духовная культура, учит русского человека презирать продажного чиновника и сопротивляться злу силою духа. Народ, благодаря высочайшей духовной культуре, благодаря сохранению своей традиции, как бы их ни девальвировали внутренние и внешние враги, всегда находит в себе мужество быть патриотом, служить Отчизне вне зависимости от того, хочет верховная власть этого или нет.

Рассуждая о социокультурной самобытности России, Н. Я. Данилевский возводит эту традиционную славянофильскую идею в абсолют, придает ей характер исключительной, всячески подчеркивает отличие русских традиций от традиций европейских или восточных. И именно он формулирует эту самобытность русской традиции в качестве национальной идеи. Если в сочинениях других славянофилов (А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, К.С. Аксаков, Самарин и другие) речь шла лишь о самобытности русского народа как таковой, содержались попытки раскрытия внутренней (содержательной) стороны этой самобытности, то в сочинениях Н.Я. Данилевского мы находим, пожалуй впервые, тезис, провозгласивший эту самобытность не просто разновидностью, формой традиционализма, а особым приоритетом, даже некоей «высшей идеей». «Для всякого славянина: русского, чеха, серба, хорвата, болгар, – после Бога и Его святой Церкви, – пишет он, – идея славянства должна быть высшей идеей, выше свободы, выше науки, просвещения, выше всякого земного блага, ибо ни одно из них для него недостижимо без ее осуществления» [15, с. 96]. Эта идея полностью разделялась и высоко оценивалась Ф.М. Достоевским: «Не может Россия изменить великой идее, завещанной ей рядом веков и которой следовала она до сих пор неуклонно. Эта идея есть, между прочим, и всеединение славян» [16, с. 310].

Лишь в единении с братскими славянскими народами и в собирании русских земель и русских людей заключается подлинная суть национальной идеи как устремленности к родовому и трудовому единству. Иное вызовет лишь потрясения. «Им нужны великие потрясения, – заявлял некогда П.А. Столыпин реформаторам и демократам разных мастей, – нам нужна Великая Россия» [17, с. 77]. Нам нужно правительство, «сознающее свой долг хранить исторические заветы России» [17, с. 46]. Величие России есть прежде всего процветание русского народа, обусловленное его единством и трудом. Никаких других традиционных оснований у национальной идеи русского социума-этноса нет и в принципе быть не может.

Таким образом, неустранимость ценностной составляющей философского знания, вписанность философского познания в контекст исторической эпохи позволяют говорить о применимости понятия национальной традиции к философии. Различные национальные философские традиции можно выделять по следующим параметрам: 1) различие источников формирования философской традиции (к ним относится неоднородный мыслительный материал и особенности его синтеза); 2) связь между различными этапами философской эволюции этой традиции, выраженная в инвариантных философских идеях, философемах, темах, установках и идеалах; 3) эпистемологический статус философского познания в его соотношении с внеположными философии типами мыслительной деятельности данного сообщества; 4) общая картина мира, соотношенная с языковой картиной мира данного народа; 5) определенная для каждого сообщества иерархия социальных ценностей.

Ведь именно национальная традиция задает параметры отношения к философским традициям других народов, к освоению достижений других философских культур. «Философская традиция функционирует по тому же типу, что и любая другая культурно-историческая традиция, обеспечивая сохранение и трансляцию накопленного и социально-организованного наследия из поколения в поколение, от культуры к культуре» [18, с.10].

Русская традиция это закон социально-духовного развития России – ее истина, путь и жизнь. Действие этого объективного закона создает онтологическую возможность русскому

человеку быть самим собой, жить и исторически действовать, как велит ему национальный дух.

...Сейчас необходимо каждому русскому человеку выстрадать, освоить и завоевать великое наследие Русской Традиции самой своей жизнью, прожитой так, чтобы можно было по-

вторить слова великого русского поэта Н.М. Рубцова:

Перед всем
Старинным белым светом
Я клянусь:
Душа моя чиста.

02.12.2010 г.

Список использованной литературы:

1. Гачев Г. Национальные образы мира. Космо. Психо. Логос. М., 1995.
2. Булгаков С.Н. Философия имени. Париж, 1953.
3. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 1999.
4. Механизмы культурообразования в Латинской Америке. М., 1994.
5. Барулин В.С. Социально-философская антропология. М., 1994.
6. Мерезковский Д. Грядущий хам // Большая Россия. Л.: ЛГУ, 1991.
7. Карамзин Н.М. Избранные сочинения. М., 1964. Т. 2.
8. Дмитриева И.А. Национальный образ мира как доминанта новой эпистемологии. М., 1996.
9. Гачев Г.Д. «Национальные образы» мира. М., 1994.
10. Булгаков С.Н. Соч.: В 2 т. М., 1993. Т. 2.
11. Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 2000.
12. Русское хозяйство: Философский аспект анализа / под ред. Н.В. Каменских, К.П. Стожко. Екатеринбург, 1999.
13. Иоанн, митроп. Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. СПб., 1994.
14. Бутрин Д., Козицын С., Ладыгин Д. Кто управляет финансами России // Деньги. 2001. №16.
15. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1971.
16. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. Избранные страницы. М., 1989.
17. Столыпин П.А. Речи. 1906-1911. Нью-Йорк, 1990.
18. Франк Б. Сервантес. Осповат Л. Гарсиа Лорка. М., 1982.

Сведения об авторе: **Никишина Марина Александровна**, соискатель кафедры социальной философии
Оренбургского государственного университета
460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 2313, (3532) 372583, e-mail istfil@mail.osu.ru

UDC 101.1:316

Nikishina M.A.

SOCIAL AND CULTURAL BASES OF NATIONAL TRADITION IN PHILOSOPHY

The problem of interaction of philosophy and national tradition is relevant for social philosophy. Allocation of nations as subjects of cultural creation leads to the forming of social-psychological and personal bases for development of new philosophical culture.

Key words: national tradition, interethnic cultural-legal community, national image of the world, national spirit, religious spirituality.